
СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ЗА РУБЕЖОМ

Х. КЛАССЕН*

ЭВОЛЮЦИОНИЗМ В РАЗВИТИИ**

В первой части статьи будет представлен краткий обзор эволюционизма со времени его возрождения после окончания Второй мировой войны. Затем будут рассмотрены некоторые критические мнения, появившиеся в последнее время, против этого подхода и, наконец, я опишу в общих чертах некоторые новые стратегии исследований, выдвинутые в публикациях ученых – сторонников эволюционизма. В последнем разделе статьи я покажу некоторые возможности включения исследований в области родства в рамки этих новых тенденций.

На широком фоне враждебности и презрения в годы, предшествующие Второй мировой войне, Лесли Уайт и Джулиан Стюард героически боролись за возрождение интереса к эволюционизму. Их деятельность, кроме всего прочего, была вызвана растущей необходимостью упорядочения громадного фактического материала, собранного последователями подхода Ф. Боаса, в обобщающие концептуальные работы (Harris 1968; Foget 1975). После войны

* Хенри Дж. М. Классен (Henri J. M. Claessen) (род. 1930) – известный голландский политантрополог, один из авторитетнейших специалистов в области теории происхождения государства. Наиболее известны его сборники о раннем государстве («The Early State» 1978, 1981 и др.) Он также много работает в области теории социальной эволюции. Классен – участник ряда совместных с советскими и российскими учеными проектов. Последним таким проектом была книга «The Early State, Its Alternatives and Analogues» (2004), где опубликована его статья «Was the State Inevitable?». Классен активно сотрудничает с журналом «Social Evolution & History», редакторами которого являются российские ученые.

** Данная статья была впервые опубликована в 1989 г.: Evolutionism in Development: Beyond Growing Complexity and Classification. In Andre Gingrich, Siegfried Haas, Sylvia Haas, Gabriele Paleczek, eds. *Kinship, Social Change, and Evolution*. Horn-Wien, 1989. P. 231–247 (Wiener Beitrage zur Ethnologie und Anhtropologie, Bd. 5). Перевод Н. Н. Крадина.

возрождение эволюционизма получило импульс, связанный, с одной стороны, с деятельностью этих двух ученых, а с другой – с заметным возрождением интереса к эволюции, вызванного столетним юбилеем в 1959 г. главного труда Ч. Дарвина «Происхождение видов». В тот год прошло много симпозиумов и конференций, результатом одной из которых было появление хорошо известного тома «Эволюция и культура» под редакцией Маршалла Салинза и Элмана Сервиса (Sahlins, Service 1960). Данная книга заложила основы последующего доминирования в области социального эволюционизма на протяжении почти двадцати лет. Были, конечно, и другие ученые, которые работали в той же области в течение этого времени, но все они более или менее следовали модели, установленной Салинзом и Сервисом. Назову лишь некоторые имена: Мортон Фрид, Роберт Карнейро, Рональд Коэн, Рауль Неролл.

Важность подхода Салинза и Сервиса вряд ли можно переоценить, так как он был доминирующим в антропологии и являлся средством расширения дисциплинарных границ. Специалисты по доисторическому периоду и археологии, в частности, неоднократно применяли типологии, разработанные Салинзом и Сервисом (Renfrew 1972; 1973; 1974; Sanders 1974). Здесь нет возможности представить исчерпывающий список работ упомянутых ученых. Можно сделать лишь некоторые общие комментарии.

Главная составляющая подхода М. Салинза и Э. Сервиса, что также можно зафиксировать в работе М. Фрида, – описание общих типов социополитической организации, которые располагаются в порядке увеличения сложности и составляют эволюционную последовательность. В качестве примера я опишу в нескольких словах типологию Сервиса (Service 1971). По существу, он рассматривает социальную эволюцию как ряд стадий, развивающихся из эгалитарных локальных групп охотников-собирателей с аморфным руководством (local band), члены которых совместно используют природные ресурсы, объединяются благодаря бракам и иногда другим формам союзов. Племена – следующая стадия – состоят, по его мнению, главным образом из земледельцев и отличаются появлением надлокальных союзов, таких как кланы, общины, ранжируемые на основе половозрастного деления и т. д. Все это предназна-

чено для того, чтобы объединять отличающиеся друг от друга элементы в более сплоченные организации. Без общин племя не могло бы существовать. Политические иерархии в племенах отсутствуют; лидерство – личное и только для определенных целей (Service 1971: 101, 103, 105). Вождества (chiefdom) – следующий уровень – характеризуются наличием центров, координирующих экономическую, социальную и религиозную деятельность общин (Там же: 133). Чифдомы являются редистрибутивными обществами с постоянным центральным органом координации (Там же: 134). Последний уровень – государство, характеризующееся центральной властью, способной проводить решения в жизнь.

В своей «Эволюции политического общества» М. Фрид делает конструктивный вклад в понимание эволюции политической организации и лидерства. Он пытается отойти от тогдашних методов группировки эмпирических данных в более или менее согласованные серии уровней. Вместо этого он предлагает дедуктивную модель, основанную на тщательно продуманных рассуждениях. За основу своих моделей Фрид избирает фактор растущего неравенства среди людей и, таким образом, выделяет четыре уровня сложности: 1) эгалитарное общество, 2) ранжированное общество, 3) стратифицированное общество и 4) государство (Fried 1967).

Неоспоримые достоинства этих моделей не должны закрывать от нас свойственные им недостатки. Они касаются: 1) включенности уровней; 2) преобразования одного уровня в следующий, более высокий; 3) однолинейного развития структуры всевозрастающей сложности, которая включает в себе только часть социальной эволюции.

Впоследствии выяснилось, что эти проблемы существуют независимо от того, была ли типология основана на интерпретации эмпирических данных или она базировалась на предположениях заранее разработанной теоретической модели (Claessen, van de Velde 1985: 132). Иначе говоря, действительно ли возможно отнести каждое социальное образование к одному из четырех уровней? Действительно ли характеристикой социального развития является растущая сложность? И, наконец, какие механизмы, силы, факторы или давление лежат в основе социальной эволюции?

В своем хорошо известном очерке «Четыре грани эволюции» Р. Карнейро попытался справиться с некоторыми из этих проблем (Carneiro 1973). Он разрешил кажущееся противоречие между концепциями однолинейного и многолинейного эволюционизма, продемонстрировав, что обычно существуют различные пути, ведущие к определенному уровню развития. Если подчеркивается подобие эволюционирующих общественных институтов или структур, эволюция имеет однолинейный характер. Если выделяются различные пути, социальную эволюцию можно считать многолинейной. Таким образом, то, каким будет считаться результат, однолинейным или многолинейным, зависит от параметров исследования, причем, возможно, оба подхода будут просто разными интерпретациями одного и того же исторического явления (Sahlins 1960: 13; Dostal 1984; 1985: 355). Что касается вопроса растущей сложности, Карнейро признал себя сторонником своего великого предшественника XIX в. Г. Спенсера. Эволюция, по мнению последнего, «есть переход от относительно неопределенной, рыхлой однородности к относительно определенной, последовательной неоднородности посредством последовательной дифференциации и интеграции» (Carneiro 1973: 90). Этот взгляд был широко распространен в 1960-е и в начале 1970-х годов, что можно проследить по многим книгам и статьям, опубликованным в те годы. Даже сейчас многие ученые все еще группируют свои данные по линии возрастающей сложности (Johnson, Earle 1987). Что касается механизмов, стоящих за социальной эволюцией, Карнейро указал на такие факторы, как рост численности населения и давление населения (мнение, представленное наиболее элегантно в его теории ограничения [circumscription]) и война (Carneiro 1970; 1987). Сервис также указал механизмы, вызывающие изменения в социополитических структурах (Service 1975). Он отметил рост населения, который заставлял людей оставлять перенаселенные районы и жить в областях худшего качества – таким образом, эти люди становились зависимыми от тех, кто жил в лучших местах (Kottak 1972; Claessen 1978).

Другие ученые предлагали иные механизмы и силы. Р. Уилкинсон продемонстрировал связь между бедностью и прогрессом и предположил, что люди начинают развивать активность

для изменения ситуации только тогда, когда возникает необходимость, – часто с довольно непредсказуемыми последствиями (Wilkinson 1974). Вслед за Дж. Стюардом К. Виттфогель представил свою гидравлическую теорию, сделав крупные ирригационные сооружения краеугольным камнем социальной эволюции (Steward 1949; Wittfogel 1957; Price 1977). В определенном отношении взгляды Виттфогеля были тесно связаны с концепцией азиатского способа производства, отвергнутой советскими марксистами в 1932 г., но благодаря влиятельной работе Виттфогеля снова появившейся в марксистских дисциплинах с 1960-х годов (Wittfogel 1957; Tökei 1962; Godelier 1969; Hindess, Hirst 1975; Krader 1957; Ulmen 1978). Механизм войны неоднократно обсуждался в эволюционистских работах даже вопреки тому, что война, как выяснилось, существует как явление только на достаточно высоком уровне сложности (Lewis 1981; Cohen 1985; Nettleship et al. 1975; Carneiro 1987; Claessen, Skalnik 1978: 625). Примерно до 1980-х годов это были основные теоретические аргументы, с помощью которых объяснялся эволюционный процесс.

На некоторые вопросы были получены ответы, другие вопросы даже не поднимались в это время. Стремление понять механизмы и силы, стоящие за социальной эволюцией, сохраняется до нынешних дней. Здесь будут обсуждаться некоторые наиболее перспективные, по моему мнению, новые взгляды; но я не претендую на завершенность разработки этой темы.

В 1975 г. Малькольм Уэбб отметил мощное влияние богатства и торговли на развитие и эволюцию (Webb 1975). Он связал торговлю на больших расстояниях с теорией ограничения Р. Карнейро. Торговля, по его мнению, обеспечивает вождя необходимым богатством, что позволяет последнему привлечь к себе сторонников. Несмотря на то, что на всех уровнях политической эволюции можно проследить использование взаимных обязательств, Уэбб справедливо устанавливает, что на переломном этапе преобразования, скажем, вождеств в государства это дополнительное богатство лидера может иметь серьезное значение. Касья Экхольм развила этот взгляд в теорию о роли престижных товаров в развитии политических структур (Ekholm 1977). Однако кажется воз-

возможным переформулировать ее выводы в несколько более обобщенной форме, чтобы сделать их применимыми также к иным ситуациям (Claessen 1987). Другие исследователи (D'Altoy, Earle 1985), сделав различие между финансированием массовых товаров и финансированием богатства, способствовали лучшему пониманию механизмов финансовой системы раннего государства. Однако попытки Фридмана применить теорию торговли на больших расстояниях и престижных товаров к традиционным полинезийским культурам оказались плохо согласованными с имеющимися историческими данными (Friedman 1982; Claessen 1988: 436).

Роль окружающей среды обсуждалась в работах таких ученых, как Харрис, Клоос, Вайда и другие (Harris 1968; 1979; Kloos 1971; Vayda 1969), и вызвала более пристальный интерес, когда в 1980-е годы ученые попытались ввести их в эволюционную теорию. Тестарт продемонстрировал, что заготовка и хранение провизии в больших количествах, для того чтобы справиться с сезонными нехватками, имели важные социальные и политические последствия, такие как появление постоянного руководства и ранжирования (Testart 1982). Аналогично другие ученые продемонстрировали положительное или отрицательное влияние экологических условий на региональное или локальное развитие (Gunawardana 1981; Khazanov 1984; Tymowski 1987).

Новое направление в подходе было предложено Грэгори Джонсоном (Johnson 1978). Применяя теорию коммуникаций, он предположил, что увеличение числа элементов в развивающемся обществе требует увеличения информационной нагрузки на управляющую подсистему. Развитие специализированных механизмов вертикального контроля, по его мнению, является вариантом уменьшения этой нагрузки. В данной ситуации проблемой становится определение того, в какой точке развития становится необходимым создание подобных механизмов. Это обусловлено теорией принятия решений. Согласно Джонсону, необходимо решать проблемы набора персонала, его обучения и преемственности, которые он связывает с социальным и/или материальным вознаграждением.

В других работах Джонсон исследует связь между ростом размера общества, напряжением и необходимостью создания организации управления (Johnson 1982). Его выводы предполагают существование неких организационных порогов, за пределами которых происходит либо увеличение сложности социополитической организации, либо раздробление структуры. В подобном духе Холлпайк утверждает, что возрастающая численность населения требует уменьшения количества потенциальных связей (Hallpike 1986: 237–250). Уже в небольшой группе из родителей и двух детей можно выделить не менее 25 различных потенциальных связей. Только посредством уменьшения этого количества ситуацию можно сделать жизнеспособной. То же самое справедливо для других социальных и культурных связей; человечество должно делать выбор – и как только выбор сделан, изменить траекторию становится трудным (Geertz 1963).

Обсуждение эволюционизма демонстрирует до сих пор, что мы имеем дело со сложным явлением. Несмотря на то, что упомянутые факторы могут оказывать важное влияние, их роль в эволюционном процессе различна в каждом конкретном случае. Невозможно установить в общих чертах, какие из этих факторов имеют приоритет над другими, и выяснено, что ни один из них не является господствующим во всех случаях. При анализе появления 21 раннего государства было обнаружено, что некоторые факторы играют определенную роль в большинстве случаев, хотя в то же время оказалось, что процесс сравним со снежным комом: после начала движения кинетическая энергия имеет тенденцию увеличиваться (Claessen, Skalnik 1978). Было выяснено, что происходит взаимное усиление явлений и их результатов во всех исследуемых эволюционных процессах. Следует подчеркнуть, что это взаимное усиление может работать и работает в обоих направлениях. Там, где обратная связь является положительной, организация имеет тенденцию увеличиваться в размере и сложности; там, где обратная связь отрицательна, наблюдается застой в развитии, а государство приходит в упадок или даже распадается. Очевидно, что социальная эволюция не имеет заданного направления.

Данная точка зрения противоречит широко принятому убеждению, что эволюция должна рассматриваться как процесс постоянного увеличения сложности. Казалось бы, здесь все должно быть понятно. Сложность предполагает, что существует больше людей, организованных в единые общества, чем когда-либо прежде; неизмеримо выросла производительность труда; технология достигает больших высот. Это справедливо до определенной степени, но тем не менее существуют причины, которые не позволяют считать увеличение сложности краеугольным камнем социальной эволюции. Во-первых, существует много вариантов, которые не ведут к росту сложности. Рост производительности рассматривался еще Уайтом как эволюция (White 1949). Бергацки убедительно продемонстрировал, что в ряде случаев как раз сокращение на уровне подсистем позволяет развиваться верхним уровням системы. Говоря другими словами, если центру не удастся уменьшить сложности подсистем, баланс власти в системе будет неустойчивым (Bargatsky 1987; Johnson 1981).

В самом деле, как указывал Шифферд, непрерывная централизация является наименее распространенным результатом эволюционного процесса (Shifferd 1987). Барьеры на пути возрастания сложности огромны; число государств, которые никогда не достигали более сложных форм, намного больше, чем число фактически достигших их. Во-вторых, как справиться с циклическими тенденциями? Уже Стюард включил циклические тенденции в свое исследование социальной эволюции (Steward 1949). Эволюция практически каждого государства обнаруживает чередующиеся периоды расцвета и упадка (Claessen 1985; Carneiro 1987). Только если мы готовы рассмотреть упадок, стагнацию и даже распад как характерные аспекты эволюции, мы получим более реалистическую картину того, что фактически происходило в социальной эволюции – мнение, выдвинутое Йоффи (Yoffee 1979). В-третьих, куда нам отнести те бесчисленные общества, которые так никогда и не развились до более сложного уровня культуры, но тем не менее подверглись значительным преобразованиям в ходе времени? Мюллер и Таунсенд представляют серьезное свидетельство такой внутри-уровневой трансформации – и здесь следует добавить, что в ре-

зультате простого изменения определений или критериев для уровня трансформации вдруг могут стать или не стать эволюционными (Muller 1985; Townsend 1985).

Исходя из этого, представляется необходимым пересмотреть существовавшие представления об эволюционных процессах. Поскольку эволюцию можно рассматривать как «процесс, посредством которого на протяжении времени оказывается воздействие на структурную реорганизацию, которая, в конечном счете, продуцирует форму или структуру, которая качественно отличается от предшествующей формы», кажется логичным изменить нашу дефиницию в принципе (Voget 1975: 862; White 1949: VII; Steward 1955: 13). Таким образом, социальную эволюцию можно определить как процесс качественной реорганизации общества (Claessen, van de Velde 1985: 6). Качественная реорганизация касается тех изменений в одном или более элементе связей общественной формы, которые имеют последствия для всех или большинства других элементов или связей. Общественные формы в целом трансформируются вследствие таких изменений, хотя процесс трансформации может занимать определенное время.

Обратимся теперь к факторам, обнаруженным в исследовании политогенеза в раннегосударственных обществах, которые были выделены нами в 1978 г.: 1) росту численности населения, 2) войне, 3) завоеванию, 4) идеологии, 5) производству излишков, 6) влиянию уже существующих государств. Данные факторы встречались в различных последовательностях и в разных комбинациях, а также отличались по степени интенсивности. Последующее исследование привело к уточнению или переформулированию некоторых факторов (Claessen, Skalnik 1981; Claessen, van de Velde 1985; 1987). Рассматривать только производство излишков как фактор оказалось недостаточно. Роль экономических процессов включала и многие другие важные стороны. Значение идеологии оказалось более важным, чем казалось нам сначала. Фактор роста численности населения требовал ряда оговорок (см. ниже).

Объединив результаты проекта по исследованию ранних государств с результатами других ученых, работающих в области социальной эволюции, мы попытались разработать общую модель для

более удовлетворительного объяснения феномена социальной эволюции. Мы окрестили ее моделью комплексного взаимодействия (МКВ). В ее основу положены следующие соображения:

1. Не существует убедительного свидетельства, что тот или иной фактор можно рассматривать в качестве первичной движущей силы; было выявлено, что значимость различных факторов могла меняться в зависимости от разных обстоятельств (также Blanton 1983);

2. Развитие обнаруживает либо положительную, либо отрицательную обратную связь. Это означает, что может иметь место как развитие, так и упадок (регресс);

3. Последствия решений или выбора часто были непредсказуемыми либо незапланированными.

Последнее из упомянутых соображений находит подтверждение в «Теории локальной оптимизации» Ван Парийса. Эта теория утверждает, что люди, вынужденные принимать решения, стремятся выбрать альтернативу, в которой оптимальность соответствует ситуации, в которой приходится делать выбор, и что «наилучшая» альтернатива является наилучшей лишь среди случайно доступных и достаточно близких альтернатив (Van Parijs 1981: 51). Это – выбор среди фактических, в отличие от потенциальных, альтернатив.

Фактор роста численности населения определяется в модели концепций общественного формата, которая охватывает количество людей, возможное давление населения и пространственное распределение. Этот последний аспект соотносится с социополитической организацией посредством инфраструктуры: системы дорог, мостов, курьеров и т. п., с помощью которых лидеры из центра контролируют своих подданных. Фактор «производство прибавочного продукта» включен в модель в форме более содержательного понятия – экономики, – позднее сформулированного более точно как «доминирование и контроль экономики» (Claessen, van de Velde 1987: 6). Факторы войны и завоевания получили второстепенное значение, как естественное следствие экономической, демографической или идеологической конкуренции. Так как влияние уже существующих государств слишком специфично, чтобы быть включенным в общую модель, у нас остается три основных факто-

ра, а именно: идеология, доминирование и контроль экономики и общественный формат, которые направляют процесс социополитической эволюции. Возникающие социополитические формы имеют свою собственную движущую силу, которую можно принять в качестве четвертого фактора. Как только социополитические учреждения устанавливаются, они становятся важными факторами, оказывающими сильное влияние на последующий ход эволюционного процесса.

Мнение, согласно которому эволюционный процесс следует рассматривать как определяемый взаимодействием нескольких факторов, а не одного единственного фактора, разделяется все большим количеством ученых, среди которых Брей, Гледхилл и Роулэндс, Блентон, Кирч, Гингрич, Ренфрю и Черри, Панда, Джонсон, Ёрл, Айзенштадт и др. (Bray 1977: 394; Gledhill and Rowlands 1982: 14; Blanton 1983: 225; Kirch 1984: 282; Gingrich 1984: 163; Renfrew, Cherry 1986; Panda 1986; Johnson, Earle 1987: 15; Eisenstadt *et al.* 1988: 13). Это не означает, что у этих ученых идентичные взгляды или они используют одни и те же параметры. Взгляды данных исследователей отличаются друг от друга, но при этом все они разделяют мнение, что социальная эволюция должна пониматься как сложное взаимодействие ряда специфических факторов.

Сейчас кажется возможным попытаться показать роль систем родства в эволюционной теории. Для того чтобы сделать это, целесообразно рассмотреть системы родства как явления, идеологические по своей сути. Идеология рассматривается здесь как комплексная целостность идей, которые направляют поведение людей. Это оставляет бесспорным тот факт, что родство основывается на биологическом фундаменте; что интересует нас здесь – так это роль родства в эволюции человеческой социальной организации. Важную роль играют различные способы, которыми понимается и организуется родство, способы, которыми биологические связи преобразуются в стандартизованное человеческое культурное поведение.

Принимая в качестве отправной точки мнение, что социальная эволюция является результатом комплексного взаимодействия, мы можем тогда связать развитие матрилокальности или патрилокальности со средствами к существованию и общественным формам,

что уже было продемонстрировано Стюардом для патрилокальной группы (Steward 1955: 135) и Клоосом для матрилокальных карибов на реке Марони в Суринаме (Kloos 1971). Как только такие организации проявляются, они получают мощный импульс, и развитие матрилинейности или патрилинейности тогда становится только вопросом времени (Service 1971: 37). Социополитическая значимость таких систем существенна. Оллен показывает, что патрилинейная–патрилокальная общественная организация является серьезной помехой развитию более всеобъемлющих форм социополитической организации (Allen 1984). Однако матрилинейная–патрилокальная структура открывает широкие возможности для расширения. Глубокий анализ таких социополитических структур выполнен Личем, де Джосселин де Джонгом, Капером и, прежде всего, Леви-Строссом (Leach 1954; de Jossolin de Jong 1951; Kuper 1982; Levi-Strauss 1949). С другой стороны, Кемп показывает, что родственный тип наследования может действовать также, как основная порождающая сила в развитии иерархии (Kemp 1978).

Такие ученые, как Салинз и Мюллер, показали, что фундамент архаических форм политической организации архаических обществ базируется на структурах родства или, правильнее сказать, превалирующие формы политической организации воспринимаются в терминах идеологии родства (Sahlins 1963; Muller 1985). Развитие полинезийского клана являет хороший пример. Нет оснований сомневаться, что изначально структура родства определяла характер социополитических отношений. Это можно проследить на многих мелких островах Полинезии и Микронезии (Nason 1974; Vugrows-Spiro 1953; Force, Force 1972; Firth 1963). Однако там, где население увеличивалось (это справедливо в отношении более крупных островов), функция идеологии родства постепенно изменялась. При этом статус биологических связей все еще играл важную роль, все чаще и чаще термины родства использовались для легитимизации социального неравенства, экономических различий и политической власти. Принадлежность к младшей линии наследования автоматически означала более низкое социальное и/или политическое положение. Институты родства призывались, чтобы

объяснить и, таким образом, узаконить сложившуюся ситуацию (Labby 1976; Claessen 1978; Korn 1978; Bott 1981).

Данные тенденции можно легко анализировать в терминах комплексного взаимодействия ряда факторов: рост численности населения при условии ограниченной территории (на острове) неизбежно приводил к давлению на природные ресурсы. Некоторые люди жили в лучших местах, чем другие, благодаря более высокому месту в иерархии родства. Возникающее в результате неравенство узаконивается более высокой дихотомией идеологии родства. Контроль и преобладание экономики выражаются в терминах родства. Система родства, таким образом, действует как производственные отношения – мнение, представленное Годелье (Godelier 1978). Однако это не все. Под влиянием изменений общественного формата и экономики происходит также развитие идеологии родства. Возникает неоднолинейный принцип.

Это делает возможным для бедняка потребовать участок земли по выбору либо по отцовской, либо по материнской линии (Ottino 1972). Вскоре было обнаружено, что подобная тенденция существовала также в политической области. Аристократические лидеры старались подкреплять свои претензии на престижное положение добавлением к престижу по отцовской линии престижа по материнской линии (Claessen 1978; Bott 1981). Эта тенденция серьезно снижала интерес к женитьбе на женщинах из более низких классов, и вскоре начали развиваться эндогамные аристократические круги. Подобные тенденции были обнаружены в других местах. Гунавардана описывает, как в ранней Шри-Ланке небольшие различия в доходах и производстве стали превращаться в различия во власти, узаконенные идеологическими соображениями (родство, религия), и как с течением времени возникли сети эндогамных отношений аристократов для защиты экономических и политических интересов (Gunawardana 1981; 1985). Анализ племени качина, выполненный Фридманом, показывает, что здесь также имели место подобные явления (Friedman 1979). Ясно, что родство является идеологическим фактором, серьезно влияющим на экономические, социополитические и демографические факторы. В свою очередь, на

идеологию родства оказывают серьезное влияние другие факторы в модели комплексного взаимодействия.

Прогресс в эволюционной теории не должен затемнять для нас тот факт, что с новыми взглядами выдвигаются и новые вопросы, тогда как старые проблемы, для которых еще необходимо найти решения, также требуют нашего внимания. Упомянем некоторые из них:

– проблема стагнации и упадка. До настоящего времени интерес теоретиков был связан, в основном, с расцветом и ростом. Тогда как эволюционная теория должна, я думаю, также принимать во внимание упадок и стагнацию, в будущем необходимы дальнейшие исследования этой темы (Tymowski 1987; Toland 1987; Kennedy 1988; Taitner 1988);

– проблема подобия и идентичности. Часто обнаруживается, что общественные институты проявляют изумительную степень подобия, и тем не менее нет оснований сомневаться в том, что эволюционный процесс непредсказуем, что многие решения имеют неожиданные последствия, и что постоянно генерируются новые идеи (Cohen 1981; van Parijs 1981; Hallpike 1986). С другой стороны, многие общества, даже те, что живут близко друг от друга, обнаруживают потрясающие различия, как продемонстрировано в детальных исследованиях арабских городов и племен, выполненных Досталем (Dostal 1984; 1985);

– проблема соотношения структуры и процесса. В этой статье сделан акцент на процессуальный аспект социальной эволюции. Однако общественные формы также могут демонстрировать поразительную устойчивость во времени и могут легко быть классифицированы в соответствии с этими более или менее устойчивыми образованиями. Наличие изменений фактически можно уловить только посредством классификаций или типологий. Поскольку некоторые старые типологии не предлагают адекватных категорий, необходимы новые и лучшие классификации (e. g. Johnson, Earle 1987).

И последняя, но весьма важная проблема – вечный вопрос причин, приводящих к тем или иным изменениям. Я могу лишь упомянуть здесь эту важную проблему мимоходом: даже краткое обсуждение неизбежно потребовало бы еще одной полной статьи.

Литература

- Allen, M. R.** 1984. Elders, Chiefs and Big-Men; Social Structure and Political Evolution in Melanesia. *American Ethnologist* 11: 20–42.
- Bargatzky, T.** 1987. Upward Evolution, Suprasystemic Dominance, and the Mature State. In Claessen, H. J. M., and P. van de Velde (eds.). *Early State Dynamics* (24–38). Leiden.
- Blanton, E.** 1983. The Ecological Perspective in Highland Mesoamerican Archaeology. In Moore, J. A., and Keene, A. S. (eds.). *Archaeological Hammers and Theories* (221–231). New York.
- Bott, E.** 1981. Power and Rank in the Kingdom of Tonga. *The Journal of the Polynesian Society* 90: 7–83.
- Bray, W.** 1977. Civilizing the Aztecs. *The Evolution of Social Systems* (373–398). Ed. by J. Friedman and M. Rowlands. London.
- Burrowa, E. G., and Spiro, M. E.** 1953. *An Atoll Culture: Ethnography of Ifaluk in the Central Carolines*. New Haven: Connecticut.
- Carneiro, R. L.**
1970. A Theory of the Origin of the State. *Science* 169 (3947): 733–738.
1973. The Four Faces of Evolution. *Handbook of Social and Cultural Anthropology* (89–110). Ed. by J. J. Honigman. Chicago.
1987. Cross-Current in the Theory of State Formation. *American Ethnologist* 14: 756–770.
- Claessen, H. J. M.**
1978. The Early State in Thaiti. *The Early State* (441–468). Ed. by H. J. M. Claessen and P. Skalnik. The Hague.
1985. From the Franks to France – the Evolution of Sociopolitical Organization. *Development and Decline; The Evolution of Sociopolitical Organization* (196–218). Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde and M. E. Smith. South Hadley.
1987. Redistributie en andere zaken; de economie van de Vroege Staat. *Verdelen en Heersen* (39–74). Ed. by M. van Bakel and E. van der Vliet. Leiden.
1988. Tongan Traditions – on Model-Building and Historical Evidence. *Bijdragen tot de Taal- Landen Volkenkunde* 144: 433–444.
- Claessen, H. J. M., and Skalnik, P.**
1978 (eds.). *The Early State*. The Hague: Mouton.
1981 (eds.). *The Study of the State*. The Hague: Mouton.
- Claessen, H. J. M., P. van de Velde, and Smith, M. E.**
1985 (eds.). *Development and Decline; The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley: Bergin and Garvey.

1987. Introduction. *Early State Dynamics* (1–23). Ed. by H. J. M. Claessen and P. van de Velde. Leiden.

Cohen, R.

1981. Evolutionary Epistemology and Human Values. *Current Anthropology* 22: 201–218.

1985. Warfare and State Formation. *Development and Decline; The Evolution of Sociopolitical Organization* (276–289). Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde and M. E. Smith. South Hadley.

D'Altory, T., Earle, T. 1985. Staple Finance, Wealth Finance, and Storage in the Inca Political Economy. *Current Anthropology* 26: 187–206.

Dostal, W.

1984. Socio-Economic Formations and Multiple Evolution. *On Social Evolution. Contributions to Anthropological Concepts* (170–183). Ed. by W. Dostal. Vienna.

1985. *Egalität und Klassengesellschaft in Südarabien. Anthropologische Untersuchungen zur sozialen Evolution*. Vienna: Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. Vol. XX.

Eisenstadt, S. N., Abitbol, M., and Chazan, N. 1988. *The Early State in African Perspective*. Leiden: Brill.

Ekholm, K. 1977. External Exchange and Transformation of Central African Social Systems. *The Evolution of Social Systems* (115–136). Ed. by J. Friedman and M. Rowlands. London.

Firth, R. 1963. *We, the Tikopia*. Boston.

Force, R., and Force, M. 1972. *Just One House. A Description and Analysis of Kingship in the Palau Islands* (235). Honolulu: B. P. Bishop Museum Bulletin.

Fried, M. H. 1967. *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. New York: Random House.

Friedman, J.

1979. *System, Structure and Contradiction: the Evolution of "Asiatic" Social Formations*. Copenhagen.

1982. Catastrophe and Continuity in Social Evolution. *Theory and Explanation in Archaeology* (175–196). Ed. by C. Renfrew, M. Rowlands, and B. Abbott Seagraves. New York.

Geerts, C. 1963. Agricultural Involution. *The Process of Ecological Change in Indonesia*. Berkeley.

Gingrich, A. 1984. Beyond the Periphery. *On Social Evolution. Contributions to Anthropological Concepts* (141–169). Ed. by W. Dostal. Vienna.

Gledhill, J., and Rowlands, M. 1982. Materialism and Socio-Economic Process in Multilinear Evolution. *Ranking, Resource and Exchange* (144–149). Ed. by C. Renfrew and S. Shennan. Cambridge.

Godelier, M.

1969. La notion de «production asiatique» et les schémas Marxistes d'évolution des sociétés. *Sur le mode de production asiatique* (7–100). Ed. by R. Garaudy. Paris.

1978. Infrastructure, Society and History. *Current Anthropology* 19: 763–771.

Gunawardana, R. A. L. H.

1981. Social Function and Political Power: a Case Study of State Formation in Irrigation Society. *The Study of the State* (219–245). Ed. by H. J. M. Claessen and P. Skalnik. The Hague.

1985. Total Power or Shared Power? A Study of the Hydraulic State and its Transformation in Sri Lanka from the third to the ninth century A. D. *Development and Decline: the Evolution of Sociopolitical Organization* (219–245). Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde and M. E. Smith. South Hadley.

Hallpike, C. 1986. *The Principles of Social Evolution*. Oxford: Oxford University Press.

Harris, M.

1968. *The Rise of Anthropological Theory*. London.

1979. *Cultural Materialism. The Struggle for a Science of Culture*. New York: Random House.

Hindess, B., Hirst, P. 1975. *Pre-Capitalist Modes of Production*. London.

Johnson, A. W., and Earle, T. *The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State*. Stanford (Cal.): Stanford University Press.

Johnson, G.

1978. Information Sources and the Development of Decision Making Organizations. *Social Archaeology: Beyond Subsistence and Dating* (87–112). Ed. by C. Redman et al. New York.

1982. Organizational Structure and Scalar Stress. *Theory and Explanation in Archaeology* (389–421). Ed. by C. Renfrew et al. New York.

De Josselin de Jong, P. E. 1951. *Minangkabau and Negri Sembilan. Sociopolitical Structure in Indonesia*. Leiden.

Kemp, J. 1978. Cognatic Descent and Generation of Social Stratification in Southeast Asia. *Bijdragen tot de Taal- Landen Volkenkunde* 134: 63–86.

Kennedy, P. 1988. *The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Political Conflict from 1500 to 2000*. New York.

Khazanov, A. M. 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kirch, P. 1984. *The Evolution of the Polynesian Chiefdoms*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kloos, P. 1971. *The Maroni River Caribs of Surinam*. Assen.

Korn, S. R. 1978. Hunting the Ramage: Kinship and the Organization of Political Authority in Aboriginal Tonga. *The Journal of Pacific History* 13: 107–113.

Kottak, C. Ph. 1972. Ecological Variables in the Origin and Evolution of African States. *Comparative Studies in Society and History* 14: 351–380.

Krader, L. 1975. *The Asiatic Mode of Production*. Assen: Van Gorcum.

Labby, D. 1976. *The Demystification of Yap*. Chicago.

Leach, E. R. 1954. *Political Systems of Highland Burma*. London.

Levi-Strauss, C. 1949. *Les structures élémentaires de la parenté*. Paris.

Lewis, H. R. 1981. Warfare and the Origins of the State. Another Formulation. *The Study of the State* (201–222). Ed. by H. J. M. Claessen and P. Skalnik. The Hague.

Muller, J.-C. 1985. Political Systems as Transformations. *Development and Decline* (62–81). Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde and M. E. Smith. South Hadley.

Nason, J.-C. 1974. Political Change: an Other Island Perspective. *Political Development in Micronesia* (119–143). Ed. by D. T. Highes and S. G. Lingenfelter. Columbus, Ohio.

Nettleship, M. A., Givens, R. D., Nettleship, A. 1975 (eds.). *War. Its Causes and Correlates*. The Hague.

Ottino, P. 1972. *Rangiroa, parenté, étendue, résidence et terres dans un atol polynésien*. Paris.

Panda, S. K. 1986. *Herrschaft und Verwaltung im östlichen Indien unter den späten Gangas. Beiträge zur Südasienforschung*. Wiesbaden: Südasieninstitut Universität Heidelberg, Bd. 110.

Parijs, P. 1981. *Evolutionary Explanation in the Social Sciences: an Emerging Paradigm*. Totowa, New York.

Price, B. 1977. Shifts in Production and Organization. A Cluster-Interaction Model. *Current Anthropology* 18: 209–34.

Renfrew, C.

1972. *The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the Third Millennium B. C.* London.

1973. *Before Civilization. The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe.* London.

1974. Beyond a Subsistence Economy, the Evolution of Social Organization in Prehistoric Europe. *Reconstructing Complex Societies* (69–95). Ed. by C. B. Moore (Bulletin of the American Schools of Oriental Research, No 20). Ann Arbor.

Renfrew, C., and Cherry, J. F. (eds.). 1986. *Peer Polity Interaction and Socio-political Change.* Cambridge: Cambridge University Press.

Sahlins, M. D.

1960. Evolution: Specific and General. *Evolution and Culture* (12–44). Ed. by M. D. Sahlins and E. R. Service. Ann Arbor.

1961. The Segmentary Lineage: An Organization of Predatory Expansion. *American Anthropologist* 63: 332–345.

1963. Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief. Political Types in Melanesia and Polynesia. *Comparative Studies in Society and History* 5: 285–303.

Sahlins, M. D., and Service, E. R. (eds.). 1960. *Evolution and Culture.* Ann Arbor: University of Michigan Press.

Sanders, W. 1974. Chieftdom to State: Evolution at Kaminaljuyu, Guatemala. *Reconstructing Complex Societies* (97–121). Ed. by C. Moore (Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Vol. 20). Cambridge.

Service, E. R.

1971. *Primitive Social Organization.* 2nd ed. New York: Random House.

1975. *Origins of the State and Civilization.* New York: Norton.

Shifferd, P. A. 1987. Aztecs and Africans. Political Processes in Twenty-two Early States. *Early State Dynamics* (39–53). Ed. by H. J. M. Claessen and P. van de Velde. Leiden.

Steward, J. H.

1949. Cultural Causality and Law. A Trial Formulation of the Development of Early Civilizations. *American Anthropologist* 51: 1–25.

1955. *Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution.* Urbana: University of Illinois Press.

1968. Causal Factors and Process in the Evolution of Pre-farming Societies. *Man the Hunter* (321–334). Ed. by R. B. Lee and I. De Vore. New York.

- Taitner, J.** 1988. *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge.
- Testart, A.** 1982. *Les chasseurs-cueilleurs, ou l'origine des inégalités*. Paris: Institut de l'Ethnographie.
- Tökei, F.** 1962. *Zur Frage der Asiatischen Produktionsweise*. Berlin.
- Toland, J. D.** 1987. Discrepancies and Dissolution. Breakdown of the Early Inka State. *Early State Dynamics* (138–153). Ed. by H. J. M. Claessen and P. van de Velde. Leiden.
- Townsend, J. B.** 1985. The Autonomous Village and the Development of Chiefdoms. *Development and Decline: the Evolution of Sociopolitical Organization* (141–155). Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde and M. E. Smith. South Hadley.
- Tymowski, M.** 1987. The Early State and after in Precolonial West Sudan. Problems of the Stability of Political Organizations and Obstacles to their Development. *Early State Dynamics* (54–69). Ed. by H. J. M. Claessen and P. van de Velde. Leiden.
- Ulmen, G. L.** 1978. *The Science of Society. Toward an Understanding of the Life and Work of Karl Wittfogel*. The Hague.
- Vayda, A. P.** (ed.). 1969. *Environment and Cultural Behavior*. New York: Garden City.
- Voget, F. W.** 1975. *A History of Ethnology*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Webb, M.** 1975. The Flag Follows Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation. *Ancient Civilization and Trade* (155–210). Ed. by C. Lamberg-Karlovski and J. Sabloff. Albuquerque.
- White, L. A.** 1949. *The Science of Culture. A Study of Man and Civilization*. New York: Farrar, Straus and Company.
- Wilkinson, R.** 1974. *Poverty and Progress. An Ecological Perspective on Economic Development*. New York.
- Wittfogel, K. A.** 1957. *Oriental Despotism*. New Haven: Yale University Press.
- Yoffee, N.** 1979. The Decline and Rise of Mesopotamian Civilization: An Ethnoarchaeological Perspective on the Evolution of Social Complexity. *American Antiquity* 44: 5–35.